

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ ВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

въ 1827 г.

А. С. Пушкинъ не одинъ разъ былъ въ Тверской губерни. Нѣсколько разъ проѣзжалъ онъ черезъ нее во время своихъ поѣздокъ по Россіи, — разъ ночевалъ онъ при этомъ въ самой Твери ¹⁾, провелъ одну ночь въ Торжкѣ ²⁾ и пробылъ нѣсколько дней въ Старицѣ и очевидно довольно хорошо познакомился съ удобствами и неудобствами путешествія по Тверской губерни, что и выразилось въ его стихотворномъ письмѣ С. А. Соболевскому.

Здѣсь мы читаемъ:

У Гальони или Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари ³⁾.

¹⁾ Пушк., издан. Лит. фонда, т. VII, стр. 399.

²⁾ Ibid., VII, 317.

³⁾ Итальянецъ Гальони, правильнѣе Гальяни, имѣлъ въ то время въ Твери рестораиъ или гостинницу, которая и считалась тогда лучшею. Въ ней и останавливались обыкновенно болѣе состоятельные проѣзжающіе. По этому ресторану въ Твери и доселѣ называется Гальянова улица, на лѣвомъ углу которой, рядомъ съ Мироносицкой улицей, и стоялъ этотъ рестораиъ. Здѣсь-то неоднократно бывалъ и Пушкинъ, и здѣсь-то когда нибудь онъ и ѣлъ эти такъ запомнившіеся ему „съ пармезаномъ макарони“, какъ онъ называетъ ихъ, очевидно передразнивая иностранное произношеніе хозяина рестораиана. Одна современница Пушкина, съ которой познакомилъ насъ А. К. Жизневскій, передавала намъ недавно, что однажды ея мужъ, тогда еще молодой человѣкъ 16-ти лѣтъ, встрѣтилъ здѣсь Пушкина и рассказывалъ объ этомъ такъ:

„Я сейчасъ видѣлъ Пушкина. Онъ сидитъ у Гальяни на окнѣ, поджавъ ноги, и глотаетъ персид. Какъ онъ напомнилъ мнѣ обезьяну!“ Любопытно, какъ быстро интеллигентный подростокъ того времени старался отыскать въ Пушкинѣ обезьяну!

В. К.

На дорогѣ отобѣдай
 У Пожарскаго въ Торжкѣ,
 Жаренныхъ котлетъ отвѣдай ¹⁾
 И отправься налегкѣ.

Къ этому добавляетъ: на каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку; такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе ²⁾.

Кромѣ этихъ краткихъ побывокъ въ Тверской губерніи, мимолетныя впечатлѣнія отъ которыхъ Пушкинъ и выразилъ въ этомъ шутиломъ стихотвореніи, онъ два раза проживалъ въ Тверской губерніи по нѣскольку недѣль. Изъ этихъ его пребываній въ Тверской губерніи по письмамъ его и другимъ источникамъ доселѣ извѣстно одно продолжительное пребываніе его въ Малинникахъ, помѣщичьемъ имѣніи Старицкаго уѣзда близъ села Вернова. Это было въ 1828 году и на этотъ разъ онъ провелъ здѣсь конецъ октября и весь ноябрь, а можетъ быть и болѣе, что ясно видно изъ датъ его писемъ ³⁾. Въ это время и случилась съ нимъ здѣсь исторія, такъ мастерски и весело рассказанная имъ въ письмѣ къ барону Дельвигу ⁴⁾. Это свое пребываніе въ Тверской губерніи нашъ гениальный поэтъ ознаменовалъ нѣсколькими своими твореніями. Въ Малинникахъ въ это время онъ написалъ Посвященіе Полтавы, кончилъ VII пѣснь Онегина, написалъ Анчаръ, Опричникъ, Утопленникъ, Конрадъ Валленродъ, Подражаніе Анакреону и др. менѣе значи-

¹⁾ Пожарская содержала въ то время гостинницу или постоялый дворъ въ Торжкѣ и славилась своимъ искусствомъ готовить особенно вкусныя котлеты. Ея рецептъ котлетъ встрѣчается въ старинныхъ кулинарныхъ книгахъ подъ названіемъ котлетъ Пожарскихъ. Рассказываютъ, что ее даже вызывалъ въ Петербургъ императоръ Николай Павловичъ, чтобы она выучила его повара готовить такія котлеты. И у ней не разъ останавливался Пушкинъ, когда проѣзжалъ черезъ Торжокъ. Про одну изъ такихъ остановокъ онъ, впрочемъ, самъ пишетъ въ одномъ изъ писемъ къ своей женѣ: „Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно и теперь отправляюсь“, пишетъ онъ ей въ одномъ письмѣ изъ Торжка. „Въ Торжкѣ толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я, встрѣтя ее, ахнула. А надобно тебѣ знать, что m-lle Pojarsky — ни дать ни взять m-me Gorge, только не много постарѣ“, пишетъ Пушкинъ о Пожарской въ другомъ письмѣ (издан. Лит. фонда, т. VII, стр. 317 и 318).

²⁾ Пушкинъ, изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 204—205.

³⁾ Ibid., т. VII, 204, 205, 206.

⁴⁾ Ibid., т. VII, стр. 205 и 206.

тельные произведенія ¹⁾. Это пребываніе Пушкина въ Малинникахъ оставило въ немъ навсегда самое пріятное воспоминаніе, что онъ и выразилъ въ слѣдующемъ шутиломъ экспромптѣ-двустихіи:

Хоть малиной не кормите,
Но въ Малинникѣ возьмите ²⁾.

Кромѣ этого продолжительнаго пребыванія его въ Малинникахъ, какъ это видно изъ его писемъ, онъ заѣзжалъ сюда на короткое время въ половинѣ октября 1829 года, при возвращеніи своемъ изъ Арзерума. Въ этотъ разъ онъ былъ и въ сосѣднемъ съ Малинниками сельцѣ Павловскѣ ³⁾. Въ Павловское заѣзжалъ онъ и въ 1833 году, и провелъ здѣсь на этотъ разъ должно быть нѣсколько дней, — «здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ» — писалъ онъ отсюда въ это время своей женѣ ⁴⁾. Всѣ эти заѣзды А. С. Пушкина въ Тверскую губернію, равно какъ и двухнедѣльное пребываніе въ сельцѣ Павловскомъ, о которомъ мнѣ удалось собрать нѣсколько свѣдѣній, связывались съ общезвѣстной семьей П. А. Осиповой. Первымъ мужемъ ея былъ Николай Ивановичъ Вульфъ. Онъ былъ сынъ Ивана Петровича Вульфъ, очень богатаго помѣщика Тверской губерніи, у котораго кромѣ него были еще дѣти: Павелъ, Иванъ и Петръ. Дѣти послѣ отца раздѣлили наслѣдство и Павелъ Ивановичъ получилъ сельцо Павловское, Иванъ Ивановичъ — Берново, а Малинники достались Николаю Ивановичу ⁵⁾. Сюда и заѣзжала иногда Пр. Ал. Осипова, какъ въ принадлежавшую ея дѣтямъ вотчину. Вмѣстѣ съ ней заѣзжалъ сюда и Пушкинъ, находившійся къ этой семьѣ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ. Здѣсь онъ познакомился и съ родственникомъ Осиповой по мужу, Павломъ Иван. Вульфъ, человѣкомъ въ высшей степени добродушнымъ и гуманнымъ. Не смотря на большую разницу лѣтъ, они скоро сошлись, и самъ Пушкинъ въ одномъ

¹⁾ Пушкинъ. Изданіе Лит. фонда. Указ., стр. IX.

²⁾ Со словъ современницы Пушкина.

³⁾ Сочин. Пушкина въ изданіи Лит. фонда, т. VII, стр. 212 и 213.

⁴⁾ Ibid., т. VII, стр. 318.

⁵⁾ А не Ивану Петровичу, какъ говорится въ примѣчаніяхъ изданія Пушкина Лит. фонда (см. т. VII, стр. 213). Что это имѣніе принадлежало въ это время уже мужу Прасковьи Ал. Осиповой, это видно даже изъ одного письма Пушкина, гдѣ онъ пишетъ: „въ Малинникахъ, вмѣсто всѣхъ Анегъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Прасковьи Александровны Рейхманъ, который поподчивалъ меня шнапсомъ (ibid., стр. 318). В. К.

письмѣ своемъ къ женѣ пишетъ о немъ: «пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ какъ родному».

Къ нему-то, а не къ Эгельstromу, какъ говорится въ примѣчаніяхъ къ изданію Литер. фонда ¹⁾, и заѣзжалъ при каждомъ удобномъ случаѣ Пушкинъ, какъ это ясно видно изъ его писемъ ²⁾. О двухнедѣльномъ пребываніи А. С. Пушкина въ сельцѣ Павловскѣ

¹⁾ Смотри изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 213, 318 и др. Это отчасти видно и изъ самыхъ писемъ Пушкина: „вчера, пишетъ онъ, узнаю съ удовольствіемъ, что поѣду мимо Вульфowychъ помѣстій, и рѣшилъ ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу“...

Въ другомъ письмѣ своемъ онъ пишетъ объ этомъ же П. И. Вульфъ: „Павелъ Ивановичъ стихотворствуетъ съ отличными успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

«Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда-ли, что это очень мило?» (ibid., т. VII, стр. 213). Любопытно, что въ этой послѣдней редакціи Павла Ивановича Вульфъ, съ согласія самого Пушкина, эти стихи и печатаются доселѣ во всѣхъ изданіяхъ Пушкина. В. К.

²⁾ П. И. Эгельstromъ былъ помѣщикъ Тверской губерніи,—имѣніе его было въ селѣ Пречистой Каменкѣ Новоторжскаго уѣзда. Онъ былъ родомъ шведъ, плохо говорил по русски, но съ усердіемъ, заслуживающимъ лучшей участи, писалъ, какъ онъ говоритъ, „штыхи“ на русскомъ языкѣ. Возлѣ Пречистой Каменки жилъ и другой помѣщикъ Копыловъ, большой зубоскалъ, потѣшавшійся надъ Эгельstromомъ. Эгельstromъ въ одно изъ пребываній А. С. Пушкина въ Тверской губерніи и явился къ нему въ качествѣ собрата по поэзіи, представивъ на его усмотрѣніе произведенія своей музы. Должно быть, при этомъ онъ жаловался на неспособныя обиды завистника своего Копылова. По этому-то поводу Пушкинъ и посвятилъ ему свое саркастическое стихотвореніе, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ:

О, Эгельstromъ! я восхищенный
Читай творенія твои:
Твой стихъ, лишь гениемъ внушенный,
Блеститъ, какъ солнце въ ясны дни.

.
Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ.
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать свои творенія,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы все поремъ отъ восхищенья (т. е. отъ смѣха)
О, Эгельstromъ, ты — царь пѣвцовъ!

у Павла Ивановича Вульфъ, пребываніи, неизвѣстномъ, кажется, ни одному изъ біографовъ Пушкина, намъ и удалось собрать нѣсколько небезынтересныхъ свѣдѣній отъ одной старушки, проживающей въ настоящее время въ Твери, о которой мы узнали совершенно случайно.

Старушка эта—Катерина Евграфовна Синицына, вдова священника Затьмацкой Покровской церкви, имѣющая въ настоящее время 76 лѣтъ отъ роду. Отецъ ея, священникъ Тверской Козьмодемьяновской церкви, Евграфъ Андреевичъ Смирновъ, былъ уроженцемъ села Бернова, вотчины Ивана Петровича Вульфъ, товарищъ дѣтскихъ игръ всѣхъ дѣтей его. Отсюда и возникли теплыя отношенія къ нему и его семьѣ всѣхъ Вульфовъ, все усиливавшіяся еще тѣмъ, что онъ, будучи знатокомъ гражданскихъ законовъ, неоднократно хлопоталъ по ихъ дѣламъ въ тверскихъ судебныхъ мѣстахъ. Поэтому-то по смерти его Павелъ Ивановичъ Вульфъ и предложилъ вдовѣ его отдать ему на воспитаніе 11-лѣтнюю сироту Катерину Евграфовну. Та согласилась. Такъ Катерина Евграфовна и попала въ семью Павла Ивановича Вульфъ. И Павелъ Ивановичъ, и жена его, Фредерика Ивановна, сначала хотѣли воспитать ее какъ барышню, выучить ее языкамъ и т. п., но по совѣту одной барыни ограничились только тѣмъ, что выучили ее читать, писать, немного ариметикѣ, Свящ. исторіи и еще кой-чему другому, но относились къ ней всегда съ полною добротою, какъ дочери, — «дочкой своей» неоднократно и называлъ Павелъ Ивановичъ. Пробывъ здѣсь три года, она взята была матерью своею къ себѣ въ Тверь, но иногда ѣздила гостить

Послѣдній стихъ въ первоначальной редакціи, говорятъ, читался иначе, а именно:

О, Эгельстромъ, ты — царь глупцовъ!

Насколько, дѣйствительно, этотъ нашъ мѣстный поэтъ заслуживалъ названія „царя глупцовъ“, видно изъ слѣдующаго двустипшія этого „вдохновеннаго сына Феба“, сохраненнаго преданіемъ:

Охъ, ты пльшивый сатана!
Любитель кушать сметанѣ.

(Со словъ купца Томилова. Это двустипшіе, по его словамъ, написано Эгельстромомъ на своего дворецкаго, котораго онъ засталъ лижущимъ при помощи пальца сметану).

Понятно, что съ этимъ Эгельстромомъ у Пушкина не могло быть и тѣни тѣхъ теплыхъ дружескихъ отношеній, которыя ясно видны изъ тѣхъ мѣстъ его переписки, гдѣ онъ упоминаетъ Павла Ивановича Вульфъ.

къ Павлу Ивановичу въ Павловское, гдѣ и встрѣчала всегда по прежнему самый радушный пріемъ. Въ одно изъ своихъ такихъ пребываній въ Павловскомъ она и столкнулась съ А. С. Пушкинымъ и провела съ нимъ подъ одной кровлей цѣлыя двѣ недѣли.

О впечатлѣніяхъ своихъ отъ этого столкновенія съ А. С. Пушкинымъ она и рассказала намъ, насколько они сохранились въ ея памяти. Я постарался воспроизвести ея рассказъ съ полною его безыскусственностью. Вотъ онъ:

«Въ январѣ 1826 или 1827 года пріѣхала я въ Старицу вмѣстѣ съ семействомъ Павла Ивановича Вульфъ. Тутъ на семейномъ балѣ у тогдашняго старицкаго исправника, Василья Ивановича Вельяшева, женатаго на сестрѣ Павла Ивановича, Натальѣ Ивановнѣ, я и встрѣтила въ первый разъ А. С. Пушкина. Я до этого времени не знала Пушкина и ничего про него не слыхала и не понимала его значенія, но онъ прямо бросился мнѣ въ глаза. Показался онъ мнѣ иностранцемъ, танцуетъ, ходитъ какъ-то по особому, какъ-то особенно легко, какъ будто летаетъ; весь какой-то воздушный съ большими ногтями на рукахъ. «Это не русскій?» спросила я у матери Вельяшева, Катерины Петровны. «Ахъ, матушка! Это Пушкинъ, сочинитель, прекрасные стихи пишетъ», отвѣчала она. Здѣсь мнѣ не пришлось познакомиться съ Александромъ Сергѣевичемъ. Замѣтила я только, что Пушкинъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ постоянно вертѣлись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая дѣвушка; особенно чудные у ней были глаза. Какъ говорили послѣ, они старались не оставлять ее наединѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфъ, который любилъ влюблять въ себя молодыхъ барышень и мучить ихъ. Черезъ два дня поѣхали мы въ Павловское. Пріѣхали сюда такъ къ обѣду; слѣдомъ за нами къ вечеру пріѣхалъ и Александръ Сергѣевичъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфъ и пробыли въ Павловскѣ двѣ недѣли. Тутъ мы съ Александромъ Сергѣевичемъ сошлись поближе. На другой день сѣли за обѣдъ. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь столъ: «Ахъ, Боже мой! Клюквенный кисель!»

— «Павель Ивановичъ! позвольте мнѣ ее поцѣловать», проговорилъ Пушкинъ, вскочивъ со стула.

«Ну, братъ, это ужъ ея дѣло», отвѣчалъ тотъ.

— «Позвольте поцѣловать васъ», обратился онъ ко мнѣ.

«Я не намѣрена цѣловать васъ», отвѣчала я какъ вполне воспитанная барышня.

— «Ну, позвольте хоть въ голову», и, взявъ голову руками, пригнуть и поцѣловалъ.

Прасковья Александровна Осипова, вмѣстѣ съ своей семьей бывшая въ одно время съ Пушкинымъ въ Малинникахъ или Берновѣ, высказала неудовольствіе на то, что тутъ, наравнѣ съ ея дочерьми, вращается въ обществѣ какая-то поповна. «Павель Ивановичъ», говорила она, «всѣмъ открываетъ въ своемъ домѣ дорогу, вотъ какую-то поповну поставилъ на одной ногѣ съ нашими дочерьми». Все это говорилось по французски, я ничего и не знала, и только послѣ уже Фредерика Ивановна рассказала мнѣ все это. «Прасковья Александровна осталась очень недовольна», говорила она, между прочимъ, «но спасибо Александру Сергѣевичу, онъ поддержалъ насъ». Когда вслѣдъ за этимъ пошли мы къ обѣду, Александръ Сергѣевичъ предложилъ одну руку мнѣ, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксіи Николаевнѣ, бывшей въ однихъ лѣтахъ со мной; такъ и отвелъ насъ къ столу. За столомъ онъ сѣлъ между нами и угощалъ съ одинаковою ласковостью какъ меня, такъ и ее. Когда вечеромъ начались танцы, то онъ сталъ танцовать съ нами по очереди, — протанцуетъ съ ней, потомъ со мной и т. д. Осипова разсердилась и уѣхала. Евпраксія Николаевна почему-то въ этотъ день ходила съ заплаканными глазами. Можетъ быть и потому, что Александръ Сергѣевичъ послѣ обѣда вынесъ портретъ какой-то женщины и восхвалялъ ее за красоту; всѣ разсматривали его и хвалили. Можетъ быть и это тронуло ее,—она на него всѣ глаза проглядѣла. Вообще Александръ Сергѣевичъ былъ со всѣми всегда ласковъ, привѣтливъ и высшей степени простъ въ обращеніи. Часто вертѣлись мы съ нимъ и не въ урочное время.

«Ну, Катерина Евграфовна, нельзя-ли намъ съ вами для аппетита протанцовать вальсъ-казакъ».

«Ну, вальсъ-казакъ-то мы съ вами, Катерина Евграфовна, ужъ протанцуемъ», говаривалъ онъ до обѣда или во время обѣда или ужина.

Вставалъ онъ по утрамъ часовъ въ 9 — 10 и прямо въ спальнѣ пилъ кофе, потомъ выходилъ въ общія комнаты, иногда съ книгой въ рукахъ, хотя ни разу не читалъ стиховъ. Послѣ онъ обыкновенно или отправлялся къ сосѣднимъ помѣщикамъ, или, если оставался дома, игралъ съ Павломъ Ивановичемъ въ шахматы. Павла Ивановича онъ за это время самъ и выучилъ играть въ шахматы, раньше онъ не умѣлъ, но только очень скоро тотъ сталъ его обыгрывать. Александръ Сергѣевичъ сильно горячился при этомъ. Однажды онъ даже вскочилъ на стулъ и закричалъ: «ну, развѣ можно такъ обыгрывать учителя?» А Павель Ивановичъ начнетъ играть снова, да опять съ первыхъ же ходовъ и обыгрываетъ его. «Никогда не буду

играть съ вами... это ни на что не похоже»... загорячится обыкновенно при этомъ Пушкинъ.

Много игралъ Пушкинъ также и въ вистъ. По вечерамъ часто угощали Александра Сергѣевича клюквой, которую онъ особенно любилъ. Клюкву съ сахаромъ обыкновенно ставили ему на блюдечкѣ.

Пушкинъ былъ очень красивъ; ротъ у него былъ очень прелестный съ тонко и красиво-очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящія, густые и кудрявые, какъ у мерлушки, немного только подлиннѣе. Ходилъ онъ въ черномъ сюртукѣ. На туалетъ обращалъ онъ большое вниманіе. Въ комнатѣ, которая служила ему кабинетомъ, у него было множество туалетныхъ принадлежностей, ноготчистоекъ, разныхъ щеточекъ и т. п.

Павелъ Ивановичъ былъ въ это время много старше его, но отношенія ихъ были добродушныя и искреннія.

— «На Павла Ивановича упади стѣна, онъ не подвинется, право не подвинется» — неоднократно, шутя, говорилъ Пушкинъ. Павелъ Ивановичъ, дѣйствительно, былъ очень добрый, но флегматичный человѣкъ, и Александръ Сергѣевичъ обыкновенно старался расшевелить его и бывалъ въ большомъ восторгѣ, когда это удавалось ему.

Былъ со мной въ это время и такой случай. Одинъ изъ родственниковъ Павла Ивановича пробрался ночью ко мнѣ въ спальню¹⁾, гдѣ я спала съ одной старушкой-прислугой.

Только просыпаюсь я, у моей кровати стоитъ этотъ молодой человѣкъ на колѣняхъ и голову прижалъ къ моей головѣ...

— «Ай! Что вы?» закричала я въ ужасѣ.

— Молчите, молчите, я сейчасъ уйду, — проговорилъ онъ и ушелъ.

Пушкинъ, узнавъ это, остался особенно доволенъ этимъ и послѣ еще съ большимъ сочувствіемъ относился ко мнѣ.

— «Молодецъ вы, Катерина Евграфовна, онъ думалъ, что ему вездѣ двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то»... — нѣсколько разъ повторялъ Александръ Сергѣевичъ. Задалъ этому молодцу нагоняй и Павелъ Ивановичъ.

— «Ты навесъ оскорбленіе мнѣ, убирайся изъ моего дома!» — говорилъ онъ ему.

Узналось это такъ. Загадала Фредерика Ивановна мнѣ на картахъ... «Ты оскорблена, говорить, трефовымъ королемъ», я и заплакала и рассказала все.

¹⁾ А. Н. Вульфъ.

Всѣ относились къ Александру Сергѣевичу съ благоговѣніемъ. Всѣ барышни были отъ него безъ ума. Павелъ Ивановичъ считалъ его посѣщеніе за большое удовольствіе и честь для себя. Уѣхалъ Александръ Сергѣевичъ изъ Павловска въ Москву, кажется, и пріѣхалъ сюда оттуда же, и даже въ это время едва-ли не въ Москву же уѣзжалъ онъ на нѣсколько дней».

Кромѣ этого Катерина Евграфовна сообщила еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Марьѣ Васильевнѣ Борисовой, о которой Пушкинъ даетъ такой восторженный отзывъ ¹⁾. «Марья Васильевна Борисова была сирота, дочь помѣщика, близкая моя подруга, нѣсколько постарше только. Была она очень красивая, имѣла выразительные глаза и черные волосы. Воспитана она была просто. Мать ея сильно выпивала.

Черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтила я въ Торжкѣ у Львова А. П. Кернъ, уже пожилою женщиною. Тогда мнѣ и сказали, что это героиня Пушкина—Татьяна

..... и всѣхъ выше
И носъ, и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ ²⁾.

Эти стихи, говорили мнѣ при этомъ, написаны про ея мужа, Керна, который былъ пожилой, когда женился на ней. Анна Николаевна Вульфъ, по моему мнѣнію, не подходитъ къ Татьянѣ, она была уже зрѣлая, здоровая такая, когда я ее видѣла».

Вотъ и все, что рассказала мнѣ названная мною старушка. Рассказъ этотъ не сложенъ и не особенно богатъ фактами, но нельзя отказать ему въ томъ, что онъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ подробностей о жизни и характерѣ нашего великаго поэта.

На основаніи этого разсказа должно установить, во-первыхъ, тотъ еще неизвѣстный биографамъ Пушкина фактъ, что Александръ Сергѣевичъ въ январѣ 1827 г. провелъ двѣ недѣли въ селѣ Павловскомъ, Тверской губерніи, въ домѣ Павла Ивановича Вульфъ. Старушка, правда, не говоритъ этого съ полною рѣшительностью, но только къ этому выводу и можемъ мы придти на основаніи ея разсказа и

¹⁾ „Марья Васильевна Борисова“, — пишетъ Пушкинъ о ней въ своемъ письмѣ А. Н. Вульфъ, „естъ цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дщч лѣсной, перлъ въ морѣ и я намѣренъ на-дняхъ въ нее влюбиться“. Соч. Пушкина, изданіе Литер. фонда, т. VII, стр. 204.

²⁾ Изд. Литер. фонда, т. III, стр. 388.

уже имѣющихся готовыхъ данныхъ о Пушкинѣ. Она твердо помнитъ, что былъ Пушкинъ въ сельцѣ Павловскомъ вмѣстѣ съ А. Н. Вульфъ, и, именно въ январѣ, а въ 1828 году онъ съ глубокимъ комизмомъ доносить этому Вальмону о положеніи его сердечныхъ исторій. Въ 1829 году Вульфъ тоже не было въ Павловскѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и «поповна», наша расказщица, по письму его Вульфъ, была въ это время въ Твери. Онъ называетъ ее тутъ «ваша Кларисса», очевидно, намекая на одинъ изъ рассказанныхъ нами фактовъ ¹⁾. Никогда и послѣ этого Пушкинъ и Вульфъ не сѣзжались вмѣстѣ въ Тверской губерніи, такъ что это пребываніе Пушкина въ сельцѣ Павловскѣ только и могло имѣть мѣсто въ 1827 г., такъ какъ Пушкинъ получилъ право свободнаго выѣзда изъ деревни только въ декабрѣ 1826 года; пріѣхать же въ Павловское безъ разрѣшенія въ январѣ 1826 г., тотчасъ почти послѣ бунта декабристовъ, въ сочувствіи къ которому онъ подозрѣвался, Пушкинъ положительно не могъ. Единственное печатное указаніе на эту поѣздку можно находить въ слѣдующихъ стихахъ его, посвященныхъ Катеринѣ Васильевнѣ Вельяшевой...

..... По прежнему слѣду
 Въ ваши мирные края
 Черезъ годъ опять заѣду
 И влюблюсь до ноября.

Это стихотвореніе написано Пушкинымъ между 15 іюня и 3-го октября 1828 г. Этотъ нашъ выводъ, повидимому, противорѣчитъ рѣшительному утвержденію Анненкова, что всю зиму 1827 г. Пушкинъ провелъ въ Москвѣ. Но изъ писемъ Пушкина видно, что онъ и въ этомъ году выѣзжалъ изъ Москвы и былъ во Псковѣ; впрочемъ, и самъ Анненковъ, переставляя даты въ некоторыхъ писемъ этого года, повидимому, сознавалъ противорѣчіе этого своего утвержденія съ данными переписки ²⁾.

Общезвѣстный фактъ, что пребываніе въ деревнѣ имѣло на Пушкина самое плодотворное вліяніе. Здѣсь онъ, утомленный душею атмосферой большаго свѣта, отдыхалъ душой. Здѣсь онъ, какъ Антей, прикасаясь къ нашей общей матери русской землѣ, получалъ новыя силы для своего вдохновеннаго творчества. Нельзя не отмѣтить, что точно такое же вліяніе производило на него и пребываніе въ Тверской губерніи. Окруженный полнымъ и искреннимъ вниманіемъ со

¹⁾ Пушкинъ, изд. Литер. фонда, т. VII, стр. 213.

²⁾ Матеріалы для біографіи Пушкина П. В. Анненкова, стр. 166, сравн. изд. Литер. фонда, т. VII, письма, 181—185.

стороны всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, вниманіемъ, доходившимъ иногда до благоговѣнія предъ его личностью и творчествомъ, онъ всегда находился въ самомъ лучшемъ и бодромъ настроеніи духа, что ясно видно изъ его писемъ, писанныхъ изъ Тверской губерніи. Въ нихъ онъ всегда веселъ, остроуменъ и игривъ ¹⁾. Полный сознанія равновѣсія душевныхъ силъ, онъ и въ отношеніи къ другимъ являлся здѣсь всегда гуманнымъ, ласковымъ, добрымъ и предупредительнымъ. Здѣсь не было и тѣни той раздражительности и того ѣдко-безпощаднаго остроумія, которымъ онъ навлекалъ на себя не мало непріятностей, живя въ большихъ городахъ. Неудивительно поэтому, что Александръ Сергѣевичъ показался нашей старушкѣ такимъ красавцемъ, — такимъ онъ и выглядѣлъ обыкновенно, когда бывалъ въ ясномъ и спокойномъ состояніи духа, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и другіе его современники. Все это даетъ намъ возможность яснѣе воспроизвести свѣтлую нравственную фязіономію нашего гениальнаго поэта, которая такъ часто потемнялась отъ душевнаго разлада, возникавшаго въ душѣ его, вслѣдствіе болѣе сильнаго

¹⁾ Думаемъ, что читатели съ удовольствіемъ прочтутъ два отрывка изъ прелестнѣйшихъ писемъ А. С. Пушкина и не посягнутъ на насъ за помѣщеніе ихъ въ полномъ видѣ. Какую невозмутимую веселостью и какимъ безобиднымъ остроуміемъ дышетъ, наприм., слѣдующее письмо его къ А. Н. Вульфъ:

„Тверской повелась с -петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ. Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достоюжнымъ почитаніемъ и благосклонностью. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. Требуемая отъ меня поясненія на счетъ вашего петербургскаго поведенія далъ я съ откровенностью и простодушіемъ, отчего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ, напримѣръ: какой мерзавецъ! какая северная душа! но я притворился, что ихъ не слышу“ (изд. Литер. фонда, т. VII, стр. 204). Какъ мастерски и весело рассказана также, наприм., слѣдующая исторія: „На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованныя ребятами, хотѣли непременно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Маваровичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ пріобѣжалъ: „дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣжайте съ нею — тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку“. Дѣти разревѣлись: „не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина“. Нечего дѣлать, ихъ повели и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили“. (Изъ письма къ Дельвигу, *ibid*, стр. 205, 206). В. К.

несоотвѣтствія запросовъ его мощнаго духа съ явленіями свѣтской жизни большихъ городовъ.

Какою добротою и гуманностью проникнуты его отношенія къ нашей расказицѣ! Какъ умно, чисто по-Пушкински отвѣтилъ онъ на нападки на нее во имя породы со стороны породистой барыни! Такое гуманное отношеніе гениальнаго поэта къ этой сиротѣ, ничтожной съ точки зрѣнія породы, по всей справедливости, заставляетъ призадуматься и вообще надъ упреками Пушкину въ аристократизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно забывать, что знаменитая въ этомъ отношеніи его «родословная» направлена имъ не противъ низшихъ, а противъ высшихъ, противъ людей, выдававшихся не умомъ и дарованіями, словомъ, противъ потомковъ, «извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ». Не нужно забывать, что рука же Пушкина писала и эти стихи, особенно выразительно характеризующіе его отношеніе къ низшимъ:

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, поворствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ

Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба все влекуть,
Надеждъ и селонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтуть
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ....
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!

.....
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря ¹⁾.

Сообщеніе старушки о томъ, что оригиналомъ Татьяны была для поэта Анна Петровна Кернъ, расходится съ общераспространенными, хотя и не установившимися мнѣніями по этому предмету. П. В. Анненковъ видитъ въ Татьянѣ и Ольгѣ отраженіе Анны Николаевны и

¹⁾ Деревня. Изд. Латер. фонда, т. I, стр. 2

Евпраксіи Николаевны Вульфъ; другіе указываютъ на какую-то одесскую Татьяну, о которой пишетъ Пушкину Раевскій; за послѣднее время стало распространяться мнѣніе, что прототипомъ Татьяны послужила графиня Воронцова, къ которой Пушкинъ чувствовалъ какое-то особое благоговѣніе. Что касается несложнаго образа Ольги, то мнѣніе Анненкова едва ли не вполне справедливо; по крайней мѣрѣ, оно находитъ себѣ полное подтвержденіе въ экземплярѣ 4-й и 5-й главъ «Евгенія Онегина», подаренномъ Пушкинымъ Евпраксіи Николаевнѣ 22 февраля 1828 года съ собственноручной подписью: «Твоя отъ твоихъ» ¹⁾. Находитъ это мнѣніе подтвержденіе себѣ и въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ поэтомъ Евпраксіи Николаевнѣ ²⁾. Выработка же дивнаго и болѣе сложнаго образа Татьяны несомнѣнно требовала отъ автора и большаго труда, и матеріала. Тайны творчества лучшихъ поэтическихъ образовъ, безъ сомнѣнія, трудно уловимы и едва-ли не навсегда останутся тайною, но, кажется, самое лучшее не стараться приурочить этотъ въ высшей степени сложный и законченный литературный типъ къ одной опредѣленной личности. Едва-ли поэтъ не совмѣстилъ въ этомъ лучшемъ изъ женскихъ типовъ русской литературы характерныхъ чертъ лучшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ тогдашней русской жизни. Съ этой точки зрѣнія съ полнымъ удобствомъ и вѣроятностію могутъ быть примирены всѣ эти, съ перваго взгляда столь многоразличныя, показанія относительно даннаго предмета. Съ этой точки зрѣнія получаетъ свою долю цѣнности и сообщеніе нашей старушки относительно Анны Петровны Кернъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ она является выразительницей мнѣнія объ этомъ предметѣ тогдашняго общества, близко интересовавшагося судьбами и творчествомъ поэта. Судя по прекрасному и прочувствованному стихотворенію Пушкина, посвященному Аннѣ Петровнѣ Кернъ, можно заключить, что оно относится къ плеядѣ лучшихъ женщинъ, возбуждавшихъ въ поэтѣ идеальныя чувства. Говоримъ это, не смотря на то, что г-нъ Незеленовъ чуть не въ цѣлой особой главѣ своего сочиненія силится, по нашему мнѣнію, безуспѣшно, доказать неизменность чувства поэта къ этой женщинѣ ³⁾. Сходство участи Анны Петровны Кернъ, красавицы,

¹⁾ Нужно сказать, что этотъ любопытный фактъ впервые былъ сообщенъ М. И. Семевскимъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г., ноябрь, стр. 71.

²⁾ Изд. Литер. фонда, т. I, стр. 346, и II т., стр. 1.

³⁾ А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, Незеленова, 1882 г., со стр. 233 до конца книги. Для доказательства неправильности возрѣній г. Незеленова достаточно припомнить два мѣста изъ прочувствованнаго и глубоко-поэтическаго

въ молодыхъ лѣтахъ выданной за пожилаго генерала, съ участіемъ Татьяны просто соблазнительно и едва ли не подтверждаетъ сообщенія старушки, что Анна Петровна Кернъ послужила одной изъ точекъ отправленія для созданія чуднаго образа Татьяны.

Въ заключеніе не можемъ не высказать надежды, что будущее, можетъ быть, подаритъ насъ открытіемъ новыхъ слѣдовъ величайшаго русскаго поэта на Тверской почвѣ. Одно изъ основныхъ свойствъ великихъ людей то, что они проникаютъ величіемъ своего духа едва ли не каждый шагъ своей жизни и въ жизни ихъ, стало быть, нѣтъ мелочи, которая бы не заслуживала нашего вниманія.

Ознакомившись съ подробностями пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Тверской губерніи, мы рѣшились посѣтить самыя мѣста, гдѣ въ не особенно давнія времена бывалъ нашъ великій поэтъ. Побывали мы при этомъ въ Малинникахъ, Павловскомъ и Берновѣ; но немного нашли мы здѣсь слѣдовъ великаго чело-вѣка,—такъ быстро изглаживаетъ ихъ наша жизнь. Въ Малинникахъ цѣлъ еще домъ, въ которомъ гостилъ нѣкогда Александръ Сергѣевичъ. Теперь это помѣстье, за смертію А. Н. Вульфа, принадлежитъ сыну Евпраксіи Николаевны—барону Вревскому. Осмотрѣли мы этотъ

стихотворенія Пушкина въ А. П. Кернъ. Рѣшаюсь привести эти два отрывка изъ этого чуднаго стихотворенія:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизньъ, и слезы, и любовь.

Что ни говори, а такъ не пишутъ и такъ не чувствуютъ при одной
низменной страсти. В. К.

домъ, въ одной половинѣ котораго живетъ теперь управляющій Бревскаго; намъ не показали при этомъ даже комнаты, которую занималъ нѣкогда А. С. Пушкинъ. Павловское, по смерти умершаго въ бѣдности Павла Ивановича Вульфъ, перешло уже въ третьи руки, и самый домъ, въ которомъ гостилъ нѣкогда А. С. Пушкинъ, представляетъ уже развалину, правда, довольно живописную; очевидно, что недалеко уже время, когда исчезнетъ и этотъ послѣдній свидѣтель пребыванія здѣсь Пушкина. За полгода до нашего прїѣзда сюда умеръ въ Малинникахъ и поварь Сидоръ, выдавшій здѣсь Пушкина и помнившій его.

Нѣсколько не безынтересныхъ свѣдѣній получилъ я только въ селѣ Берновѣ отъ почтеннѣйшаго Николая Ивановича Вульфъ, сына Ивана Ивановича, къ которому мы явились съ рекомендаціей отъ предѣдателя тверской архивной комиссіи А. К. Жизневскаго. Николай Ивановичъ неоднократно видалъ А. С. Пушкина въ селѣ Берновѣ, гдѣ онъ не одинъ разъ гостилъ по одному, по два дня, но ему было въ то время только 12 лѣтъ и поэтому только небольшое сохранилось въ его памяти.

По его словамъ, А. С. Пушкинъ писалъ свои стихотворенія обыкновенно утромъ, лежа на постели, положивъ бумагу на подогнутыя колѣна. Въ постели же онъ пилъ и кофе. Не одинъ разъ писалъ такъ Александръ Сергѣевичъ тутъ свои произведенія, но никогда не любилъ ихъ читать вслухъ, для другихъ. Однажды мать Николая Ивановича долго и сильно упрашивала Александра Сергѣевича прочесть вслухъ что-нибудь изъ своихъ стиховъ. Послѣ долгихъ отказовъ, Александръ Сергѣевичъ, повидимому, согласился и пошелъ за книгой; придя съ книгой, онъ усѣлся и началъ, къ ея удивленію и разочарованію, читать по стихамъ псалтирь. Не одинъ разъ видалъ Николай Ивановичъ, какъ Пушкинъ большими шагами ходилъ по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая съ своимъ собесѣдникомъ, чаще, впрочемъ, съ собесѣдницей. Сообщилъ онъ мнѣ и преданіе, по которому сюжетъ «Русалки» Пушкину подала судьба дочери одного мельника ихъ имѣнія. По этому преданію дочь этого мельника была влюблена въ одного барскаго камердинера; этого камердинера за какую-то вину баринъ отдалъ въ солдаты, и она съ отчаянія утопилась въ мельничной плотинѣ. Насъ проводили на эту плотину и показали самый омутъ, въ которомъ, по преданію, она утопилась. Дѣйствительно, видъ запущенной, со всѣхъ сторонъ поросшей лѣсомъ, плотины съ глубокимъ бездоннымъ омутомъ среди ея, въ связи съ этимъ преданіемъ о судьбѣ дочери мельника, могъ запасть въ чуткую душу поэта, но за полную достовѣрность этого преданія

все-таки поручиться довольно трудно. Анна Ивановна Вульфъ, о которой Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: *Esse Fœmina!*—родная сестра Николая Ивановича и, по его словамъ, была очень умная, образованная и симпатичная дѣвушка и при всемъ этомъ красавица.

Благодаря полному радушію и гостепримству хозяевъ, осмотрѣли мы и замѣчательный садъ, находящійся при помѣстьи Николая Ивановича. Садъ этотъ, раскинутый, какъ говорятъ, на 12 десятинахъ и заключающій въ себѣ немалое число вѣковыхъ деревьевъ, составляетъ, дѣйствительно, лучшее фамиліное достояніе. Здѣсь намъ показывали небольшую горку, живописно поросшую разнаго рода деревьями, кѣмъ-то и когда-то прозванную Парнасомъ. Не разъ, вѣроятно, побывалъ на этомъ Парнасѣ и свѣтило нашей поэзіи, А. С. Пушкинъ, и не одинъ, вѣроятно, поэтический замыселъ вырѣлся здѣсь въ его мощномъ духѣ. Нѣсколько поколѣній дворянскихъ, стараясь оставить послѣ себя какой-либо слѣдъ въ этомъ саду, вырѣзало что-либо на многочисленныхъ деревьяхъ этого сада. Мы искали среди этихъ, на половину уже заросшихъ, вырѣзокъ какого-либо слѣда великаго поэта, но нашли только двѣ съ трудомъ разбираемыя строчки, гласящія: «Прости! Какъ страшно это слово!» Кѣмъ и когда были начерчены эти слова, этого намъ никто объяснить не былъ въ состояніи.

Въ помѣстьѣ Нивахъ, принадлежавшихъ нѣкогда Федору Ивановичу Вульфъ, встрѣтили мы одного двороваго человѣка, выдавашаго въ Малинникахъ и Тригорскомъ А. С. Пушкина. Но онъ, не смотря на всѣ наши разспросы, сообщилъ намъ очень немного свѣдѣній. «Хорошій былъ баринъ», говорилъ онъ намъ про Пушкина, «рѣдкій человѣкъ... съ Алексѣемъ Николаевичемъ большіе они пріятели были... Любили они посмѣяться... Никого никогда не обижали». Вотъ нѣсколько отрывистыхъ фразъ, сказанныхъ имъ про А. С. Пушкина.

Вотъ и все, что мы могли собрать на мѣстѣ, нѣкогда посѣщенномъ нашимъ великимъ поэтомъ. Хотѣлось намъ пріобрѣсти видъ съ домовъ въ Павловскомъ и Малинникахъ, въ которыхъ не разъ бывалъ Пушкинъ, но, за неумѣньемъ рисовать, намъ пришлось отказаться отъ этого намѣренія.

Преподаватель семинаріи Владиміръ Колосовъ.